

К тому же столичные власти освободили эти земли от налогов на целых три года. В уездную казну не поступало ни монеты, а сам край был беден до нитки — разве так легко оправиться после войны?

Из прежних пятнадцати деревень уцелели лишь девять.

Даже если бы новые чиновники захотели обобрать местных до нитки да набить собственные карманы, наживаться здесь было попросту не на ком.

За этими разговорами они наконец добрались до временной резиденции уездного судьи.

В кабинете находились всего двое. Один сидел за столом, размашисто выводя иероглифы кистью, а второй стоял подле него, подавая нужные бумаги.

Помощником оказался двенадцатилетний книгоноша по имени Ду Шэнь.

Сидевший за столом мужчина средних лет обладал густой иссиня-черной бородой и волевым, квадратным лицом. Его огрубевшая кожа хранила следы былых невзгод; он совсем не походил на изнеженных уездных чинуш. Прошрое на полях сражений наложило свой отпечаток: пускай теперь он носил платье гражданского чиновника, в его осанке и взгляде по-прежнему чувствовалась воинская суровость.

Этот человек действительно прошел сквозь огонь и кровь. Одет он был в простое домашнее платье, а его голову покрывала скромная шапочка-пумао, украшенная лишь небольшой нефритовой бляшкой вполне сносного качества.

Весь его облик дышал собранностью, строгостью и неприхотливостью.

В убранстве кабинета сквозила поразительная бедность. Из мебели здесь стояли лишь книжные полки, а из утвари — письменные принадлежности да простые бумажные фонари. Единственным украшением служила скромная бронзовая курильница, стоявшая без дела. Благовоний в ней не зажигали: в этих краях они стоили баснословных денег, и уездному судье такая роскошь была не по карману.

Во всем уезде торговала благовониями лишь одна лавка письменных принадлежностей, да и там продавали только скверную труху по безбожным ценам.

Так что даже сам уездный судья не мог позволить себе подобного баловства.

Скользнув взглядом по скромному убранству комнаты, Дин Тянь почтительно воззрился на хозяина кабинета.

Перед ним сидел сам уездный судья — господин Ду Мин, в быту звавшийся Ду Чжиминем.

Как выяснилось, его связывали дальние родственные узы с личным советником Ду. Именно поэтому судья во всем полагался на своего личного советника, а сам Ду Цзицзянь безропотно сносил лишения в этом захолустном, продуваемом ледяными ветрами пограничном городке.

Закончив писать, судья отложил кисть. Ду Чжун тут же принялся аккуратно прибирать на столе, пока господин Ду омывал руки в тазу. Осушив пальцы, судья поднял взгляд и приветливо улыбнулся вошедшим:

— Цзицзянь, ну наконец-то... О, неужели это Дин Тянь?

Дин Тянь шагнул вперед и почтительно поклонился, соединив руки в воинском приветствии:

— Приветствую вас, господин судья. Срок траура по отцу истек, и я явился в управу узнать: коли будет на то ваша воля, могу ли я приступить к службе?

— К чему эти расспросы? Разумеется, можешь, — судья прошел к главному креслу и благодушно махнул рукой. — Присаживайтесь, не стойте в дверях.

Внешняя часть просторного кабинета служила приемной. Здесь судья принимал лишь доверенных лиц и добрых друзей, тогда как для официальных визитов и заезжих сановников предназначался парадный зал управы.

Только после повторного приглашения гости скромно опустились на стулья.

Маленький служка Ду Чжун поспешил поднести им по чарке простого чая и поставил на столик глиняное блюдо со скромным угощением.

Впрочем, сухие лепешки предназначались исключительно для улады глаз — угощаться ими никто не собирался, они служили лишь данью вежливости.

— Дин Тянь, я искренне рад твоему возвращению, — заговорил судья, ласково глядя на юношу.
— Твой покойный отец проявил истинное мужество в час суровых испытаний. Я чту его память и не мог поступить иначе, а потому берег это место для тебя целых три года, никому не позволяя его занять.

Этим благородным жестом чиновник ненавязчиво давал понять новому главному тюремщику, какая завидная и прибыльная должность ждала его все это время.

— Покорно благодарю за вашу безграничную милость, господин судья, — живо отозвался Дин Тянь. Он прекрасно понимал правила игры, а потому тут же изобразил на лице крайнее

смущение и пылкую, простодушную благодарность, приличествующую неопытному юноше из глухой провинции.

— Приступай к делам через три дня, — благодушно разрешил господин Ду. — Управа только-только встает на ноги, рабочих рук отчаянно не хватает. Отныне все заботы о тюрьме ложатся на твои плечи. В свое время твой отец правил там твердой рукой и содержал узилище в образцовом порядке. Надеюсь, ты достойно продолжишь его дело и не посрамишь память предка.

— Спасибо за доверие, господин судья! — поспешил заверить его Дин Тянь, преданно глядя в глаза чиновнику. — Клянусь, я приложу все силы, дабы в тюрьме воцарился порядок.

Судья многозначительно взглянул на своего личного советника. Тот понимающе кивнул и с мягкой улыбкой добавил:

— Твое рвение похвально, малый. Сейчас, когда управа возрождается из пепла, забот невпроворот. Послезавтра господин судья отбывает по государственным делам в управу округа. Твоя задача — освоиться на месте и наладить службу так, чтобы к нашему возвращению тюрьма работала как часы.

— Слушаюсь, личный советник, — кротко отозвался Дин Тянь, склонив голову. — Я сделаю все возможное, дабы не обмануть ожиданий его превосходительства.

<http://bllate.org/book/19387/1960874>